

АНАНЬИНСКИЙ МИР И СИБИРЬ

УДК 903.052

КЕРАМИКА КУЛЬМИНСКОГО ТИПА

© 2017 г. Ю.П. Чемякин

Кульминский тип керамики выделен в 1967 г. В.Д. Викторовой по материалам Туманского IV селища на реке Кульма в бассейне Тавды. Он встречен и на других памятниках, в том числе вместе с посудой северного (вагильского) типа гамаюнской культуры. Ареал кульминской керамики охватывает север Свердловской области и Ханты-Мансийский автономный округ, преимущественно бассейны рек Тавды, Конды и Нижнее Приобье. Она обнаружена на 11 городищах, 7 местонахождениях и примерно на 80 поселениях. Преобладают сосуды горшковидной с короткой шейкой или котловидной формы, с округлым днищем. Узор покрывает верхнюю треть или половину емкостей и выполнен штампами, в том числе прокатанными, реже — насечками, тонкими резными линиями. Распространены гребенчатый (с мелкими зубцами), гладкий и фигурные штампы: в виде змейки, ромба и т.п. Встречаются отпечатки шнура. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными поясками из оттисков штампов, наклонными колонками из них же, зонами взаимопроникающих треугольников, ромбической сеткой. На переходе от шейки к плечу — 1–2 ряда ямок (круглых, треугольных или ромбических), встречаются жемчужины. Аналоги такой посуде можно найти среди сосудов гамаюнской, иткульской и белоярской культур. Датируется кульминский тип керамики в пределах VIII/VII–IV вв. до н.э. Его происхождение связывают с посудой лозьвинской культуры.

Ключевые слова: кульминский тип керамики, ранний железный век, бассейн Конды.

В 1967 г. В.Д. Викторовой по материалам Туманского IV селища на р. Кульме в бассейне Тавды был выделен кульминский тип керамики. Малочисленность разведочных коллекций не позволили ей всесторонне охарактеризовать его, выяснить генезис типа и исторические судьбы населения, которому он принадлежал. В.Д. Викторова писала, что границы распространения кульминской посуды в общих чертах совпадают с ареалом памятников вагильского варианта гамаюно-каменогорской культуры. Сами сосуды — круглодонные, приземистой формы, с короткой, слегка отогнутой наружу, шейкой и плоским венчиком, изготовлены из глины с большой примесью песка и мелкой гальки (рис. 1). Орнамент, покрывавший 2/3 сосуда, наносился длинным мелкозубым гребенчатым штампом, тонкими резными линиями, насечками и ямками круглой, треугольной и ромбической формы. Шейка украшалась узорами в виде ромбической сетки, поясками из вертикальных или наклонных оттисков штампа, горизонтальных линий, на перегибе — поясок из 1–2 рядов ямок. Тулово орнаментировалось взаимопроникающими треугольниками, ромбической сеткой. В.Д. Викторова не видела никаких черт преемственности этой керамики с местной и ее влияния на последующее развитие местных сосудов (Викторова, 1967, с. 114). Неясностей было так много, что,

предлагая схему (этапы) развития керамики с фигурно-штампованной орнаментацией из бассейна р. Тавды на совещании 1970 г. в Томске, она даже не упомянула о кульминском типе (Викторова, 1970). Как писала В.Д. Викторова, «назвать сколько-нибудь близкие аналогии к ней [кульминской керамике – Ю.Ч.] из зауральских культур затруднительно. Можно лишь констатировать факт, что все узоры на этих сосудах имеют зауральское происхождение, что самая характерная, на наш взгляд, черта — подчеркивать узор бахромой из насечек, — встречается на сосудах горного и лесостепного Зауралья в эпоху развитой бронзы» (Викторова, 1967, с. 115). Сходство тавдинской керамики с посудой из Нижнего (Тюменского) Притоболья привело к тому, что В.Д. Викторова включила эту территорию в кульминский ареал. Позднее, в публикациях материалов поселения на северном берегу Андреевского озера (СБАО I) и Туманского поселения–святилища–костища, она лишь упомянула о присутствии обломков кульминских сосудов на этих памятниках и привела рисунки 2–3 фрагментов (Викторова, 1976, с. 66, рис. 3: 8, 9; 1999, с. 131, рис. 5: 1, 3, 6).

Этим же ограничились В.М. Морозов и С.Н. Панина при публикации материалов городища Янычково, расположенного на правобережном мысу р. Исток (Ольховка) в 2,5 км

от места впадения ее в оз. Янычковское, в 20 км к ССВ от г. Тавды. Характеризуя многослойный памятник, они писали, что с началом железного века связаны «единичные фрагменты иткульской посуды и два–три развала кульминских сосудов» (Морозов, Панина, 1997, с. 76, рис. 4: 8).

В 1983 г. В.И. Стефанов в ходе разведки на р. Атымья (левый приток р. Пелым, левого притока р. Тавды) обнаружил фрагменты трех сосудов кульминского типа (местонахождение Атымья III). Это были горшковидные и котловидная емкости с короткой слегка отогнутой наружу шейкой (2 экз.) или венчиком (1 экз.) и выпуклым плечиком (рис. 2, 1-3). Все венчики плоские. Узоры покрывали шейку и плечико, едва заходя на верхнюю часть тулова сосуда. Переход от шейки к плечику подчеркнут рядом треугольных ямок (2 экз.) или жемчужин (1 экз.). Ямки в одном случае расположены вершинами вверх, в другом — навстречу друг другу. Орнамент наносился гладким и гребенчатым, в том числе прокатанным, штампами. Орнаментальные мотивы представлены ромбической сеткой (незаштрихованными ромбами) и поясом «вложенных углов» (или зоной «псевдоплетёнки» из сдвоенных разнонаклонных отрезков) из оттисков «гребенки».

Активные работы с начала 1970-х гг. на территории Ханты-Мансийского автономного округа привели к открытию большого количества древностей кульминского типа в бассейне р. Конды. На ряде памятников фрагменты кульминской керамики были найдены вместе с посудой северного (вагильского) варианта гамаюнской культуры. Сегодня известно около 100 памятников, на которых обнаружена кульминская керамика (11 городищ, 7 местонахождений, остальные — поселения). Из них около 80 находятся в бассейне Конды, по 11 — в бассейне Тавды и в Нижнем Приобье, вплоть до Полярного круга (поселение Корчаги 5). С одной стороны, такое распределение отражает степень изученности территорий. С другой — достаточно вероятно, что бассейн Конды — основной ареал кульминских древностей. Здесь кульминские материалы были получены при раскопках 17 памятников, но только на трех из них выявлены остатки 4 жилищ и следы легких построек (поселения Геологическое III, Большая Умытья 58, Лемья 19.1); еще на четырех поселениях обнаружены открытые кострища и ямы с кульминской посудой (Ахтымья 1, Большая Умытья 61, Большая Умытья 74, Сатыга). На остальных памятниках встречены лишь отдельные фрагменты и небольшие скопления кульминской посуды, что свидетельствует о кратковременном пребывании населения начала железного века в данных местах (временные стоянки рыболовов и охотников).

При отсутствии публикаций возникла ситуация, когда, несмотря на значительное число выявленных памятников с кульминской керамикой, в среде археологов не сложилось единого представления о последней. Кульминские коллекции почти не охарактеризованы, в немногочисленных статьях часто лишь упоминается наличие фрагментов таких сосудов, в лучшем случае с публикацией некоторых из них. А это приводит к различному пониманию «кульминского типа посуды».

Рассмотрим доступные нам коллекции¹.

На поселении Геологическое III (правобережье среднего течения р. Эсс, верховья р. Конды) в раскопе 6 площадью 24 м² автором была исследована наземная кульминская постройка (Чемякин, 2007). С ней связана керамическая коллекция, включавшая обломки полутора десятков сосудов, в том числе 10 верхних частей (рис. 2, 4-13). Преобладают закрытые сосуды котловидной (с короткой шейкой) или баночной, близкой чашевидной, формы, с округлым днищем. Одна емкость горшковидная, с отогнутой наружу шейкой (рис. 2, 4). Встречены два фрагмента поддонов. Среди венчиков есть уплощенные (6 экз.), округлые (2 экз.) и приостренные (2 экз.). На двух сосудах под венчиком отмечено подобие воротничка (рис. 2, 8, 12). Снаружи поверхность емкостей хорошо заглажена, изнутри — затерта щепой. Узоры покрывали шейку и плечико, редко заходя на верхнюю часть тулова сосуда. Под венчиком или на переходе от шейки к плечику проходил ряд ямок (круглых — 3 экз., треугольных — 2 экз., или четырехугольных — 3 экз.), в двух случаях — жемчужин. Несколько сосудов были украшены только таким рядом (рис. 2, 4-7). Орнамент наносился в основном гребенчатым штампом, реже — гладким (в том числе вдавлениями угла штампа). Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными поясами из оттисков этих штампов, наклонными колонками из них же, зоной разнозаштрихованных прямоугольников (рис. 2, 12), ромбической сеткой (рис. 2, 9). Следует отметить отсутствие в коллекции емкостей, украшенных взаимопроницающими треугольниками, рядами сдвоенных ямок, что, по мнению В.Д. Викторовой, характерно для кульминского типа.

На поселении Ахтымья 1, расположенном на правом берегу р. Леушинки, в 10 км от места впадения ее в оз. Леушинский Туман (среднее течение р. Конды), вскрыто 500 м²

¹ Автор весьма признателен своим коллегам из ООО НАЦ АВ КОМ–Наследие и Уральского федерального университета, в первую очередь А.А. Погодину, Т.Ю. Клементьевой и В.И. Стефанову за предоставленную возможность обработки и публикации неизданных материалов из их раскопок и разведок.

(раскопки А.Е. Цеменкова, 2004 г.). Основные слои связаны с лозьвинской и кулайской культурами (Чемякин, 2012; 2015). Среди инокультурных находок в коллекции присутствуют 96 фрагментов от 5 сосудов кульминского типа (рис. 3). В раскопе они концентрировались компактными скоплениями в двух квадратах. Сосуды представляют собой горшковидные, близкие котловидным круглодонные емкости с короткой вертикальной или слабо отогнутой наружу шейкой и ярко выраженными плечиками. Венчики уплощенные или округлые. Толщина стенок 6,5–7 мм, и только у одного сосуда до 8,2 мм. Поверхность их хорошо заглажена (возможно, тканью). С внешней стороны она замыта так, что проступают зерна примеси, затрудняя прочтение орнамента. В глине примесь шамота и мелкого песка. У 4 сосудов изнутри сохранился пригар. Украшались венчики, шейки и плечики, нижняя часть емкостей не орнаментировалась. Орнамент наносился мелким гребенчатым штампом в технике прокатывания, по одному случаю — коротким гладким штампом и мелким косым крестом. Узоры на венчиках представлены наклонными и поперечными оттисками штампа и косой сеткой. Шейки орнаментировались горизонтальными линиями или зонами из взаимопроникающих заштрихованных треугольников. У двух сосудов шейки декорированы изнутри наклонными и пересекающимися оттисками «гребенки» (рис. 3, 2, 5). В основании шеек всегда присутствует разделительный пояс из одинарных или сдвоенных ямок, преимущественно подпрямоугольных (в одном случае — вытянуто-эллипсоидных, или семечковидных). Плечики украшены зонами из взаимопроникающих заштрихованных треугольников, горизонтальными линиями и поясками из вертикальных оттисков гладкого или гребенчатого штампа.

Судя по локальной концентрации и малому числу найденных сосудов, они отражали непродолжительную стоянку какого-то промыслового коллектива.

Небольшая кульминская керамическая коллекция была получена на поселении Большая Умытъя 58 в низовьях р. Большая Умытъя (левый приток р. Конды в ее верхнем течении). В раскопе площадью 864 м² Т.Ю. Клементьевой были зафиксированы следы наземного жилища эпохи раннего железа (Клементьева, 2012). В его границах, а также в непосредственной близости от него были найдены 75 фрагментов керамики, как минимум от 6 сосудов приземистой котловидной и горшковидной формы с вертикальной или отогнутой наружу короткой шейкой и уплощенным (4 экз.) или округлым (2 экз.) венчиком. Обломки еще не менее 10 подобных сосудов были собраны на памятнике в ходе разведок 1994 и

2009 гг. Л.А. Плешковой и А.А. Погодиным (рис. 4). Диаметры устья реконструируемых сосудов 30–35 см. Толщина стенок составляет 5,5–7,0 мм, венчиков — 7,0–9,0 мм. Внешняя и внутренняя поверхности заглажены, на внутренней поверхности двух сосудов заметны следы заглаживания щепой или зубчатым штампом. На ряде фрагментов сохранился нагар. Глиняное тесто рыхлое, запесоченное. В качестве примесей применялись дресва, мелкая галька, песок, шамот и лимонит (охра). Цвет внешней и внутренней поверхностей сосудов — светло-серый, светло-коричневый, коричневый. Украшались венчики, шейки и плечики емкостей. Орнамент наносился мелким гребенчатым или крупным змейковидным штампами в технике прокатывания, наколами углом штампа. Прокатанный змейковидный штамп образует оттиски в виде зигзагообразных линий с мелким шагом. Узоры на венчиках представлены поперечными или наклонными в обе стороны оттисками гребенчатого или змейковидного штампа. Шейки украшены вертикальными оттисками волнистого штампа или наклонными вправо отпечатками мелкозубой гребенки или крупной «змейки», редкой ромбической сеткой. Переход от шейки к плечу подчеркнут рядом глубоких ямок («разделительным пояском»), круглых в одном случае и треугольных, реже ромбических — в остальных. Причем у пяти сосудов вершины смежных треугольных вдавлений разнонаправлены, а у двух из них ямки смещены по вертикали, образуя два ряда. Орнаментальные композиции на плечиках состоят из зон наклонных поясков, иногда выполненных разными штампами или оконтуренных мелкими наколами («бахромой»), зон «вложенных углов» (или «псевдоплетенки»), незаштрихованных треугольников. Из разведочных сборов происходят обломки сосудов, украшенных по плечикам широкой зоной крупных взаимопроникающих треугольников со штриховкой внутри, полами прямоугольниками или прямоугольными меандрами, в том числе оконтуренных бахромой из коротких наколов.

Комплексы раннего железного века на поселении Большая Умытъя 74 выявлены в раскопе 1 площадью 1020 м² (Погодин, 2007). Они представлены очажными пятнами и приуроченными к ним фрагментами 5–7 сосудов кульминского типа. Возможно, очаги были не просто открытыми кострищами, а являлись конструктивной частью наземных построек легкого типа. Емкости котловидные и горшковидные (рис. 5), с короткой вертикальной или отогнутой наружу шейкой, раздутым туловом и округлым дном; один сосуд закрытой формы с едва профилированным плечиком (рис. 5, 1). В одном случае зафиксировано измене-

ние профилировки сосуда, в том числе за счет подлепа изнутри на одном участке дополнительной ленты (рис. 5, 8, 8а). Из сохранившихся венчиков два округлые и два — уплощенные. Диаметры устья сосудов 25–35 см, толщина шейки 6,0–8,0 мм, тулова — 4,0–8,0 мм. Глиняное тесто содержит дресву, песок (в том числе кварцевую крошку), мелкую гальку. Внутренняя и внешняя поверхности заглажены, у одного сосуда до блеска. У трех же емкостей лицевая сторона и венчики так разрушены, что на них практически не читается орнамент. Причина этого — плохой обжиг и обильная примесь песка и дресвы. Узоры наносились мелкозубчатым гребенчатым и змейковидным штампами в технике прокатки и штампования, в том числе углом орнамента, а также насечками. Два сохранившихся венчика украшены, один — поперечными отпечатками змейковидного штампа, другой — наклонными вправо отпечатками мелкой «гребенки». В основании шейки двух сосудов разделительный пояс из глубоких ромбических или подпрямоугольных ямок, у трех он представляет собой двойной ряд треугольных вдавлений, вершинами навстречу друг к другу. Сохранившиеся орнаментальные композиции представлены зонами заштрихованных взаимопроникающих треугольников (в одном случае она переходит в крупные заштрихованные ромбы — рис. 5, 8), вложенных углов, оконтуренных прямыми линиями из отпечатков углом гребенчатого штампа и прокатанной гребенки, фестонами из наклонных поясков, «бахромой» из коротких вертикальных отпечатков штампа. На одном сосуде пояс из горизонтальных отпечатков прокатанной «гребенки» на шейке чередуется с участками ромбической сетки (рис. 5, 8, 8а)

Более крупная коллекция, но также без выявленных объектов раннего железного века, была собрана А.А. Погодиным при раскопках многослойного поселения Большая Умытъя 9, расположенного на правобережном мысу одноименной реки. В двух раскопах общей площадью ок. 1740 м² были обнаружены 265 обломков минимум от 13 емкостей кульминационного типа (Погодин, 2010). Все сосуды горшковидные, близкие котловидным, с короткой плавно или резко отогнутой шейкой, несколько раздутым туловом и округло-приостренным дном (рис. 6, 7). У четырех из них венчики плоские прямые, у семи — округлые. Диаметры емкостей от 19 до 34 см. Толщина стенок 4,5–7,0 мм, венчиков — 5,5–8,0 мм. Ширина лент 45–50 мм. Изготовлены в технике ленточного налепа и обожжены костровым способом. Глиняное тесто как рыхлое, запесоченное, так и относительно плотное. В качестве примеси использовались крупнозернистый песок, мелкотолченая дресва, в том числе кварцевая,

единично шамот и охра. Цвет черепков серо-желтый, серо-коричневый, красно-коричневый. Внутренняя и внешняя поверхности ровные, гладкие, но внешняя местами сильно шероховатая из-за плохой сохранности, выщерблен. Изнутри фиксируются следы заглаживания шпателем. На ряде фрагментов сохранились следы нагара и пригара.

Украшались венчики, шейки и плечики емкостей. На перегибе от шейки к плечико (в основании шейки) нанесены пояски ромбических или подтреугольных ямок, на 4 сосудах ямки расположены в два ряда в шахматном порядке. Лишь в одном случае ямки округлые (рис. 7, 8), а в другом ямки с внутренней стороны образуют жемчужины с внешней (рис. 7, 5). На двух сосудах под пояском ямок замечен тонкий желобок с наплывшим верхним краем, образовавшийся, возможно, от круговой стяжки горловины каким-то гладким шнуром (рис. 6, 3, 5).

В качестве орнаментов в основном применялся гребенчатый штамп с тонкой нарезкой зубцов, а также змейковидный (рис. 6, 3; 7, 2) и гладкий, в том числе вытянуто-треугольной (рис. 7, 3) и Г-образной (рис. 7, 4) формы. Три сосуда, предположительно, украшены отпечатками шнура (рис. 6, 4; 7, 6, 7). В одном случае использовалась полая трубочка (рис. 7, 6). Узоры наносились штампованием, прокатыванием и наколами, в том числе углом штампа. На одном сосуде при прокатке применялся инструмент с гладким, полукруглым в сечении рабочим краем (рис. 7, 3). Венчики орнаментированы гребенкой (6 экз.), гладким (2 экз.) и змейковидным (? – 2 экз.) штампами, 3 экземпляра без орнамента. При этом на ряде венчиков наклон отпечатков на разных участках отличался (рис. 6, 3, 4; 7, 1, 6). Шейки сосудов украшены горизонтальными линиями, вертикальными и наклонными отпечатками или ромбической сеткой из отпечатков печатной гребенки. Один сосуд декорирован по верху пояском многорядного прокатанного зигзага с разбивкой его аналогичными вертикальными отпечатками (рис. 6 – 3). На плечиках преобладают композиции из зон взаимопроникающих треугольников или «вложенных углов» («псевдоплетенки» из разнонаправленных наклонных лент, образованных прокатанными или печатными отпечатками штампа, между которыми иногда расположены ряды насечек, отпечатков полой трубки). В одном случае плечико орнаментировано наклонными разнозаштрихованными поясками отпечатков шнура (? — рис. 6, 4). На другом сосуде от нижнего края зоны, украшающей плечико, опущены фестоны из строенных вертикальных отпечатков гребенки (рис. 7, 7). Два сосуда отличаются разреженностью и простотой узора: от края горловины по шейке на плечико спуска-

ются диагональные линии из оттисков углом гребенчатого или гладкого штампов (рис. 6, 1; 7, 8). Один горшок декорирован лишь пояском глубоких ромбических ямок, подчеркнутым на переходе от шейки к плечу тонким желобком (рис. 6, 5).

Керамическая коллекция раннего железного века, собранная на поселении Лемья 19.1, представлена обломками примерно 37 сосудов, из которых 28 — верхние части с сохранившимися венчиками, остальные — фрагменты орнаментированных стенок и плечиков. Памятник исследовался в 2013 г. С.А. Крузементом (151 м²) и в 2014 г. А.А. Погодиным (1883 м²) (Круземент, 2015; Погодин, 2015). А.А. Погодиным были изучены две наземные постройки с кульминской керамикой. Сосуды горшковидной формы с короткой шейкой и, преимущественно, относительно высоким плечиком (рис. 8). Есть емкости без шеек — котловидные (рис. 8, 8, 9), в том числе с профилированным плечиком (рис. 8, 3). Шейки почти вертикальные или чуть отогнутые наружу, есть дугообразно выгнутые (рис. 8, 1, 2, 6). Единичны сравнительно высокие шейки, среди которых тоже есть дугообразно выгнутые. В четырех случаях на шейках сформовано подобие воротничка (рис. 8, 10, 12). На одном сосуде под венчиком с внешней стороны имеется клювовидный выступ (рис. 8, 10). Плечики относительно выпуклые, редко близки вертикальным (рис. 8, 2, 13). Днища отсутствуют, но, судя по профилировке и неорнаментированным фрагментам керамики, были округлыми или слегка приостренными. Венчики уплощенные (74,1%), в том числе с намечающимся карнизиком с внешней стороны (7,4%), или округлые (18,5%). Толщина их 4,0–7,0 мм, как правило, равна толщине плечиков и чуть больше толщины стенок. Диаметры по устью реконструируемых сосудов варьируют от 20 до 36 см. Найден также обломок миниатюрной, не орнаментированной емкости баночной формы с толщиной стенки 0,2–0,3 см; его высота 1,6 см (рис. 8, 15). Глиняное тесто сосудов относительно рыхлое, в качестве примеси преобладает песок или дресва, часто с крупными кварцевыми зернами. Изредка использовался шамот. На одном фрагменте с внешней стороны остался отпечаток рыбьей чешуи (рис. 8 – 5a), но вряд ли последняя применялась как добавка к глине. Гладкая поверхность часто несет следы выравнивания шпателем. У четверти сосудов с внешней стороны сохранился нагар, у четырнадцати — пригар с внутренней стороны.

Декор наносился только по верхней части сосуда. Для всех сосудов характерно наличие ряда ямок округлой и квадратной (по 7,4%), ромбической (26,0%) либо треугольной

(37,0%) формы в основании шейки («разделительный пояс»). Шейка одной емкости подчеркнута комбинацией ямок и жемчужин, у шести (22,2%) разделительный пояс выражен рядом приплюснутых жемчужин (рис. 46, 7, 8, 12, 14–16). На некоторых фрагментах приплюснутые жемчужины чередуются с выпуклыми. Орнаментация выполнена в технике штамповки гребенчатым, змейковидным, треугольным, ромбическим, крестовым и другими штампами, а также прокатыванием и прочерчиванием (единично). Штамп ставился как вертикально, так и под углом к поверхности сосуда. Из 27 венчиков четыре были слишком малы или разрушены, из остальных (23=100%) три неорнаментированы и 20 украшены оттисками штампа, в том числе с наклоном вправо (30,4%), влево (26,1%) или чередованием участков с наклонами в противоположные стороны (21,7%). Зафиксировано по одному случаю вертикальных (поперечных) оттисков и образующих зигзаг. Абсолютно преобладают оттиски гладкого штампа (или насечки) — 65,2%. Гребенчатым штампом украшены 17,4% венчиков, на одном отмечены частые ногтевидные отпечатки.

Среди орнаментов на шейках — пояски наклонных оттисков или ряды отдельных вдавлений штампов, косая сетка и горизонтальные линии. На плечиках преобладают наклонные пояски прочерченных (в том числе двузубым штампом) или прокатанных линий, чередующихся с такими же поясками отпечатков штампов. Встречаются вертикальные колонки оттисков, редкая ромбическая сетка, меандровидные узоры, горизонтальные пояски из прочерченных линий или линий прокатанного штампа (горизонтальных или волнистых), зигзаги. Немногочисленна группа сосудов, узоры на которых ограничены рядом ямок в основании шейки («разделительным пояском» — рис. 8, 14).

Коллекция, собранная А.А. Погодиным при раскопках стоянки Сатыга XVIII и связанная, по его мнению, с кульминским городищем Сатыга XVII, насчитывает обломки 9–10 сосудов (Погодин, 2002). Это также горшковидные емкости с вертикальной и, чаще, отогнутой наружу короткой шейкой (рис. 9). Половина шеек имеет утолщение с внутренней стороны, что сближает их с керамикой гамаюнской культуры. Венчики приостренные и округлые (по 3 экз.), один — уплощенный. Диаметр по венчику реконструируемых сосудов 26–36 см, максимальный тулова — до 28–39 см, высота шейки 2–2,5 см. В глине примесь шамота и мелкой дресвы. На нескольких фрагментах сохранился нагар. Орнамент наносился в основном гребенчатым штампом, на двух сосудах фиксируются шнуровые оттиски (или псевдошнур?), еще на двух — отпечатки косо

поставленного крестового штампа. Две трети венчиков по внешнему краю украшались косыми или вертикальными насечками. Узоры на шейке представлены поясками горизонтальных линий, выполненных прокаткой, наклонных или вертикальных оттисков штампа. В одном случае зона на шейке состоит из чередования параллелограммов с горизонтальной и наклонной штриховкой внутри (рис. 9, 7). Разделительный поясок в основании шейки выполнен глубокими коническими круглыми (в одном случае — овальными) ямками, часто перечеркнутыми насечками (оттисками углом штампа). В то же время ямки треугольной или ромбической формы, столь характерные для кульминской керамики, отсутствуют. Зону на тулове образуют чередующиеся пояски горизонтальных, вертикальных или наклонных оттисков штампа, взаимопроникающих заштрихованных треугольников или параллелограммов.

Несколько отличается от кондинской посуда, найденная на памятниках Нижнего Приобья и которую также относят к кульминскому типу. На Ендырском I городище коллекция кульминской керамики включает в себя фрагменты минимум 10 сосудов горшковидной и баночной формы, выделенных по венчикам (рис. 10, 1-8). «Высота шеек около 2 см, толщина стенок 4–5 см. Посуда вылеплена из хорошо отмученной глины, содержащей в качестве отощителей примесь шамота и песка. Снаружи стенки хорошо заглажены, изнутри имеются «расчесы» от затирки грубым предметом. Декор покрывает всю верхнюю часть сосудов. Он наносился штампами в виде гребенки, змейки, а также концом палочки круглого и ромбического сечения. Узоры представляют собой пояски разнонаклонных отпечатков штампов, колонки и сгруппированные фигуры, чередующиеся со свободными от орнамента полями. Шейки некоторых сосудов оформлены в виде воротничков и всегда отделены от тулова поясками ямок или «жемчужин» (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 54, рис. 25: 3-10).

С кульминским типом или его влиянием В.М. Морозов связывал сосуды с ромбическими или треугольными ямками в разделительном пояске с городища Перегребное VI (Морозов, Чемякин, 2008, с. 217) и других памятников Перегребнинского и Низямского археологических кустов. Среди них также есть емкости как баночной, так и, в основном, горшковидной формы, в том числе с хорошо профилированной шейкой. На нескольких шейках присутствует воротничок (рис. 10, 12). Узоры наносились гребенчатым (преимущественно) или гладким штампами и представляют собой горизонтальные линии или пояски, зигзаги, ряды наклонных оттисков

штампа или косые колонки (рис. 10, 9-12). На мой взгляд, эти сосуды могут отражать участие кульминских древностей в формировании перегребнинского типа памятников.

Подводя итоги, можно отметить, что среди кульминских сосудов преобладают горшковидные сосуды с прямой или отогнутой наружу короткой шейкой и закрытые емкости баночной или котловидной формы, с округлым днищем. Шейки на ряде сосудов утолщены изнутри, что характерно для гамаюнской и восточного варианта иткульской керамики. Нечасто, но встречаются и воротнички по верху шейки, вызывающие отдаленные ананьинские ассоциации. Преобладают плоские (уплощенные) или округлые венчики, иногда скошенные наружу; есть и приостренные венчики. Узор обычно покрывает верхнюю треть или половину емкостей и выполнен штампами, реже — насечками, тонкими резными линиями. Наиболее распространены гребенчатый (с мелкими зубцами) штамп, но использовались и другие, в том числе фигурные: в виде волны, змейки, ромба, треугольника и т.п. Встречаются разные варианты гладкого штампа и, редко, отпечатки шнура. Часто применялась прокатка штампа, что характерно также для лозьвинской и гамаюнской, включая ее вагильский вариант, керамики. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными поясками из вертикальных или наклонных оттисков этих штампов, наклонными колонками из них же, зонами взаимопроникающих треугольников или параллелограммов, вложенных углов, ромбической сеткой. На переходе от шейки к плечу — 1–2 ряда ямок (круглых, треугольных или ромбических), редко встречаются жемчужины. В глиняном тесте обычна примесь песка, часто крупнозернистого, дресвы, мелкой гальки, шамота.

Среди охарактеризованных коллекций выделяются керамические комплексы поселения Геологическое III отсутствием в нем емкостей, украшенных взаимопроникающими треугольниками, вложенными углами и рядами сдвоенных ямок, и стоянки Сатыга XVIIa — отсутствием в разделительных поясках на сосудах ямок треугольной и ромбической формы. Подобные различия могут носить как локальный, так и хронологический характер. Но, несмотря на них, кульминская посуда в бассейнах рек Тавды и Конды выглядит достаточно единообразно (малочисленность коллекций не позволяет использовать статистику). Другая ситуация с нижнеобской керамикой. Здесь можно выделить комплексы перегребнинского и низямского кустов в средней части нижнего течения Оби. Их сходство с кондинской посудой выражается в форме сосудов, наличии воротничков на шейках,

пояске из ямок ромбической формы в основании шейки, а также в наклонных колонках из оттисков гребенчатого или гладкого штампа на плечиках емкостей. Однако, с одной стороны, подобные признаки распространены шире кульминского ареала. С другой — обедненная по сравнению с тавдинско-кондинским вариантом орнаментация может означать и локальные, и хронологические различия. Иная ситуация с ендырской коллекцией, по многим признакам отличной от «классической» кульминской. Судя по публикации (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 54), в ней отсутствуют сосуды, украшенные взаимопроникающими треугольниками и прямоугольниками, вложенными углами, ромбической сеткой, столь характерные для кульмино. Единичны и емкости, разделительный поясок на которых выполнен ромбическими ямками. Зато широко представлены узоры, выполненные штампами в виде уточки, птички, змейки (рис. 10, 1, 3-6), что не типично для кульминской посуды. На наш взгляд, данная керамика ближе к синдейскому типу (возможно, отражает переход от кульминского к синдейскому).

Ближайшие аналоги кульминской посуде можно найти среди сосудов иткульской (исетской), в первую очередь ее восточного варианта, и белоярской культур. Особенно близок ей ранний (иткульский II) тип посуды восточного варианта иткульской культуры, датируемый концом VIII / началом VII — концом VI вв. до н.э. (Зими́на, 2003, рис. 1: 10-13). Не без оснований В.Д. Викторова отнесла 50 лет назад ряд памятников в окрестностях Тюмени к кульминскому типу. Уральские археологи соотносили подобные материалы также с «каменогорско-иткульскими» (Романова, Сухина, 1974, с. 46, рис.) или трактовали как тюменский вариант гамаюнской культуры (Борзунов, 1992, с. 122, 123, рис. 16: 28-39). Отсутствие крупных кульминских коллекций не позволяет статистически сравнить их с восточными иткульскими, гамаюнскими и белоярскими, однако разные природные зоны и значительное расстояние, разделяющее ареалы этих типов, скорее, предполагает видеть в них разные явления. Визуально тюменские сосуды отличаются утолщением шейки в основании, отсутствием волнисто-прокатанных узоров. Для белоярской керамики не столь характерны треугольные или квадратные ямки, зоны взаимопроникающих заштрихованных треугольников, вложенных углов. В то же время посуда этих культурных типов близка между собой по форме, приемам нанесения орнамента, многим элементам узоров. Это позволило говорить об общности, объединяющей их и возникшей на основе западного варианта культурно-исторической общности керамики с гребенчато-ямочным

орнаментом эпохи бронзы (Чемякин, 1993; Борзунов, Чемякин, 2006, с. 81, 82, рис. 1: 1-9; 4). На западе кульминский ареал примыкает к ананьинскому миру, на юге и юго-востоке — к иткульскому, на востоке граничит с белоярской культурой.

Происхождение кульминских древностей по-прежнему вызывает много вопросов. Стратиграфические наблюдения на ряде памятников, близость керамических комплексов сосудам иткульской (исетской), белоярской, гамаюнской, в первую очередь вагильского варианта, культур, позволяют датировать кульмино началом раннего железного века (VIII/VII – IV вв. до н.э.). В эпоху поздней бронзы в бассейне Конды наиболее многочисленными были лозьвинские памятники, фиксируется также некоторое количество атлымских. Однако, как правильно замечает В.А. Борзунов, «эта [кульминская – Ю.Ч.] посуда более сходна с исетской и ранней юртоборской («иткульской») посудой, чем даже с предшествующей лозьвинской и вагильской» (2014, с. 231). Тем не менее, он счел возможным писать даже о кульминской **культуре**, связанной происхождением с лозьвинской АК: «Поздние лозьвинские группы, обитавшие на Конде и соседствовавшие с ранними гамаюнскими, стали основой для формирования кульминской культуры» (Борзунов, 1992, с. 135). Сходство узоров на кульминских сосудах с зауральской керамикой эпохи бронзы отмечала и В.Д. Викторова (см. выше).

Учитывая количество лозьвинских и кульминских памятников в бассейне Конды и верховьях Тавды, происхождение последних от первых наиболее вероятно. Не исключено, что какую-то роль в их формировании сыграло и население атлымской культуры. Смена же формы и характера орнаментации сосудов наблюдается и на других таежных территориях в переходное от эпохи бронзы к железу время (в частности, в Сургутском Приобье). На кульминской посуде, как и на лозьвинской, при орнаментации часто применялась прокатка штампа, использовались фигурные штампы. Однако небольшое количество раскопанных памятников как позднего бронзового, так и раннего железного веков в Северном Зауралье и Нижнем Приобье, малочисленность керамических коллекций, особенно кульминских, не позволяют использовать статистику и проводить детальное сравнение материалов. В то же время имеющиеся коллекции демонстрируют разнообразие и лозьвинской, и кульминской керамики. При накоплении материала могут быть выделены локальные и хронологические варианты памятников с керамикой данных типов. Так, лозьвинские древности на разных территориях, вероятно,

лежали в основе генезиса как вагильских, так и кульминских памятников.

В Нижнем Приоболье, когда-то включенном в кульминский ареал, сегодня тюменскими археологами выделен восточный вариант иткульской культуры (Зими́на, Зах, 2009). Сосуды, относимые ко второму иткульскому типу, или исетскому, по В.Д. Викторовой (2008), и В.А. Борзунову (2014), достаточно близки кульминским и по форме, и по орнаментации. Не исключено, что в сложении этого варианта участвовали кульминские группы. Как пишет В.А. Борзунов, «это могло быть как результатом миграции небольших коллективов из верховьев Тавды и бассейна

Конды вниз по р. Тавде (путь, не освоенный гамаюнскими коллективами), происходившей в самом начале железного века, так и результатом взаимодействия кульминских коллективов с исетскими и юртоборскими с целью получения зауральского цветного металла» (2014, с. 231).

Что касается исторической судьбы кульминского населения, то, как уже отмечалось, в Нижнем Приоболье оно могло принять участие в сложении перегребнинских древностей, а в бассейне Конды — синдейских и кулайских (Морозов, Чемякин, 2008, с. 217, 218; Чемякин, 2001, с. 213).

ЛИТЕРАТУРА

- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: УрГУ, 1992. 188 с.
- Борзунов В.А.* Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.) / Науч. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 212–245.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.* Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса / Отв. ред. В.И. Стефанов, Е.В. Перевалова. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 68–108.
- Викторова В.Д.* Археологическая карта рр. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников). Т. 1, 2. Дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. Свердловск, 1967 / Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. III. Д. 127.
- Викторова В.Д.* Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: Томск. ун-т, 1970. С. 254–270.
- Викторова В.Д.* Поселение позднего железного века на северном берегу Андреевского озера у г. Тюмени // Вопросы археологии Приобья. Вып. 1 / Науч. труды; Вып. 37 / Отв. ред. И.Н. Сосновкин. Тюмень: ТюмГУ, 1976. С. 63–88.
- Викторова В.Д.* Туманское I поселение, святилище, костыще // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3 / Ред. С.Е. Чаиркин. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 126–153.
- Викторова В.Д.* Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего железа) // Вестник УрО РАН. 2008. № 2 (24). С. 79–93.
- Зими́на О.Ю.* Керамические комплексы городища Карагай Аул-1 в Нижнем Приоболье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 4 / Отв. ред. Н.П. Матвеева, А.Н. Багашев. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. С. 49–53.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Приоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.* Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.
- Клементьева Т.Ю.* Отчёт о НИР: Проведение спасательных археологических работ на участке строительства объектов ТПП «Урайнефтегаз» в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытъя 58» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2011 году. 1 кн. в 2 ч. Екатеринбург, 2012 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. № 29996, 29997.
- Круземент С.А.* Спасательные археологические полевые работы на поселении Лемья 19/1 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2013 г. // АО 2010–2013 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 670–671.
- Морозов В.М., Панина С.Н.* Городище Янычково (предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1 Екатеринбург: «Екатеринбург», 1997. С. 76–91.
- Морозов В.М., Чемякин Ю.П.* Керамика перегребнинского типа с поселения Низямы 9 // Вопросы археологии Урала. Вып. 25 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 208–219.
- Погодин А.А.* Отчет о раскопках стоянки Сатыга XVIIa и разведке в окрестностях озера Сатыгинский Туман в Кондинском районе ХМАО Тюменской области (1999 г.). Екатеринбург, 2002 / Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 628.
- Погодин А.А.* Отчёт о НИР: Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском и Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Кн. 1: Аварийные раскопки поселения Большая Умытъя 74 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2006 году. В 2 ч. Екатеринбург, 2007 / Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3. Д. 72–74.

Погодин А.А. Поселение Большая Умытъя 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Вып. 8 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томск. ун-т, 2010. С. 146–183.

Романова М.В., Сухина Л.В. Городища № 5 и 7 раннего железного века на Андреевском озере // Из истории Сибири. Вып. 15 / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: Томск. ун-т, 1974. С. 43–46.

Погодин А.А. Отчет о НИР: Противоаварийные спасательные работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Лемья 19/1» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2014 году. 1 кн., в 2 ч. Екатеринбург, 2015 / Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3. Д. 122, 122/1.

Чемякин Ю.П. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: ТД XII Уральского археологического совещания / Отв. ред. И.Б. Васильев. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1993. С. 218–219.

Чемякин Ю.П. К вопросу о миграциях населения кулайской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Томск. ун-т, 2001. С. 212–213.

Чемякин Ю.П. Кульминский комплекс на поселении Геологическое III // XVII Уральское археологическое совещание: МНК (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.) / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 208–213.

Чемякин Ю.П. Лозьвинская керамика (по материалам поселения Ахтымья 1) // Игорь Геннадиевич Глушков: Сб. науч. статей. Ч. 3 / Ред. Т.Н. Глушкова и др. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2012. С. 97–101.

Чемякин Ю.П. Поселение Ахтымья 1 (комплексы эпохи раннего железа) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Вып. 13 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томск. ун-т, 2015. С. 139–166.

Информация об авторе:

Чемякин Юрий Петрович, кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, ООО Научно-аналитический центр «АВ КОМ – Наследие» (г. Екатеринбург, Россия); yury-che@yandex.ru

KULMINO TYPE OF CERAMICS

Yu.P. Chemyakin

The Kulmino type of ceramics was identified in 1967 by V.D. Viktorova on the basis of materials from Tumanskoe IV village on the Kulma river in the basin of the Tavda river. It has been encountered at other sites as well, including the complexes with the Northern (Vagil) type of dishware corresponding to the Gamayun culture. The distribution area of Culmino ceramics stretches across the northern portion of the Sverdlovsk region and the Khanty-Mansi Autonomous Area, primarily in the basins of the Tavdy, Kondy and Lower Ob rivers. It has been discovered at 11 settlements, 7 sites and approximately 80 habitations. The predominant type of dishware is vessels of a pot or cauldron shape with a round bottom. The pattern covers the top third or half of the vessels and is represented by stamping, including rolling stamps, and less frequently by incisions and thin carved lines. Especially widespread are the comb (with small indentations), smooth and figured stamps in the form of a snake, rhombus, etc., including cord imprints. Ornamental motifs are represented by horizontal belts of stamp impressions, oblique columns made using the same technique, areas of interpenetrating triangles, and a rhombic mesh. The transition between the neck and the shoulder features 1-2 rows of pits (round, triangular or rhombic) with occasional pearls. Counterparts of such dishware can be found among the vessels of the Gamayun, Itkul and Beloyarsk cultures. The Kulmino type of ceramics is dated 8th/7th-6th centuries B.C. Its origin is associated by researchers with the dishes of the Lozhvino culture.

Keywords: Kulmino type of ceramics, Early Iron Age, Konda basin.

About the Author:

Chemyakin Yury P. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, ООО Scientific-Analytical Center “AV COM – Nasledie” (Yekaterinburg, Russian Federation); yury-che@yandex.ru

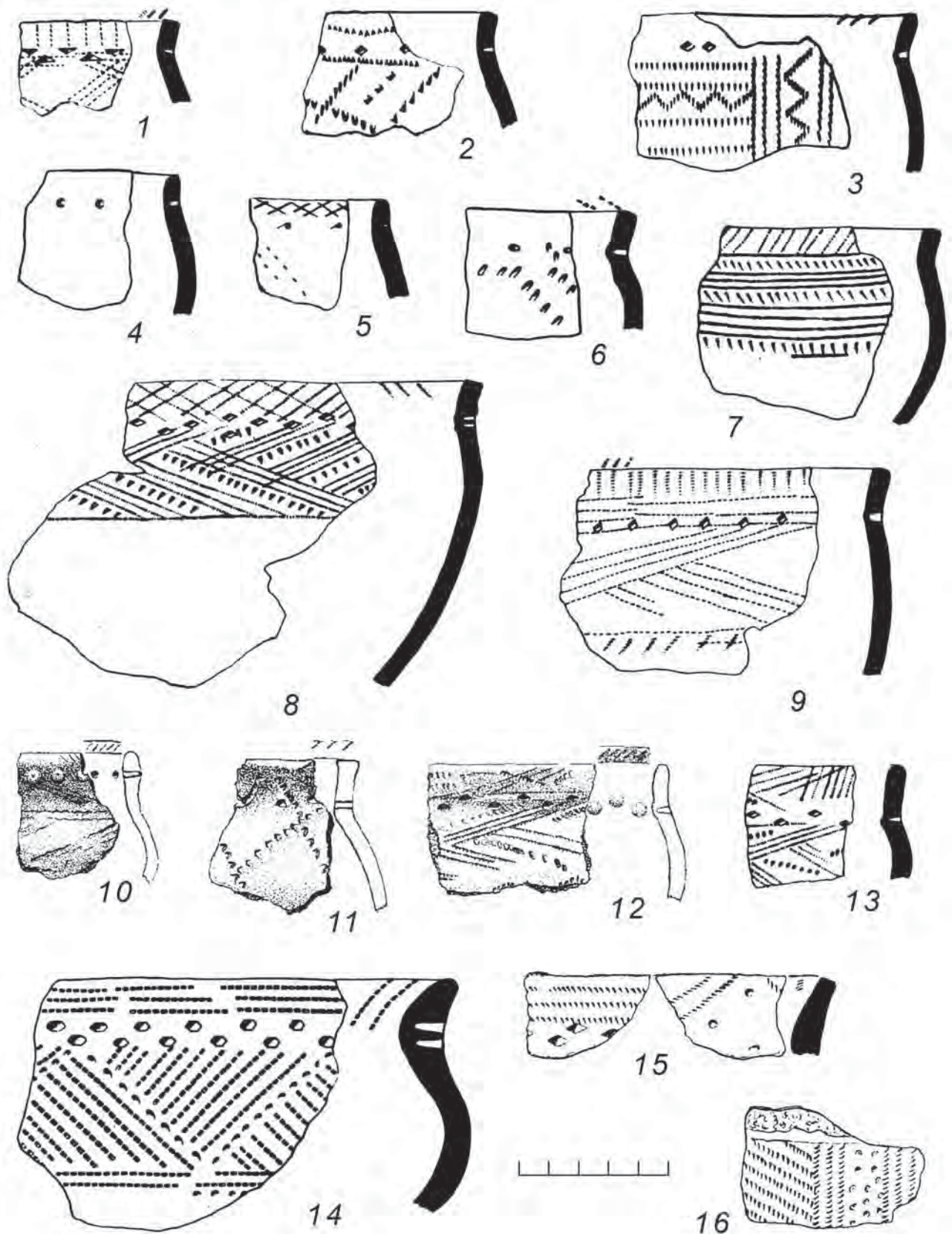

Рис. 1. Кульминская керамика: 1 – городище Фунтусово; 2, 3 – селище Туманское VI; 4, 5 – селище Туманское IV; 6 – селище Синдейское I; 7-9 – селище Тыня I; 10-13 – селище Туманское I; 14 – селище Тарманское; 15, 16 – поселение СБАО-1 (1-16 – по В.Д. Викторовой).

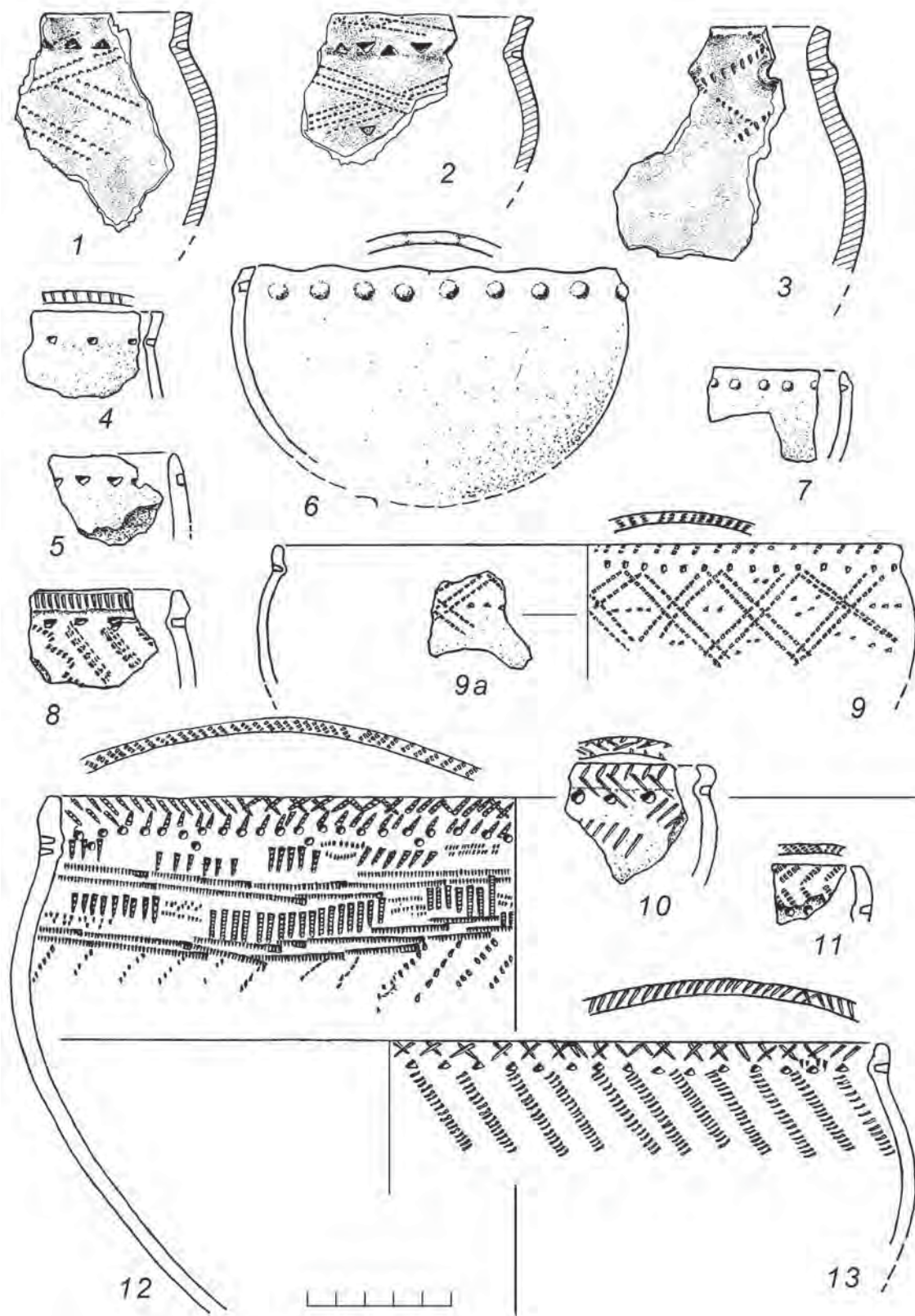

Рис. 2. Кульминская керамика: 1-3 – местонахождение Атымья III; 4-13 – поселение Геологическое III (1-3 – по В.И. Стефанову).

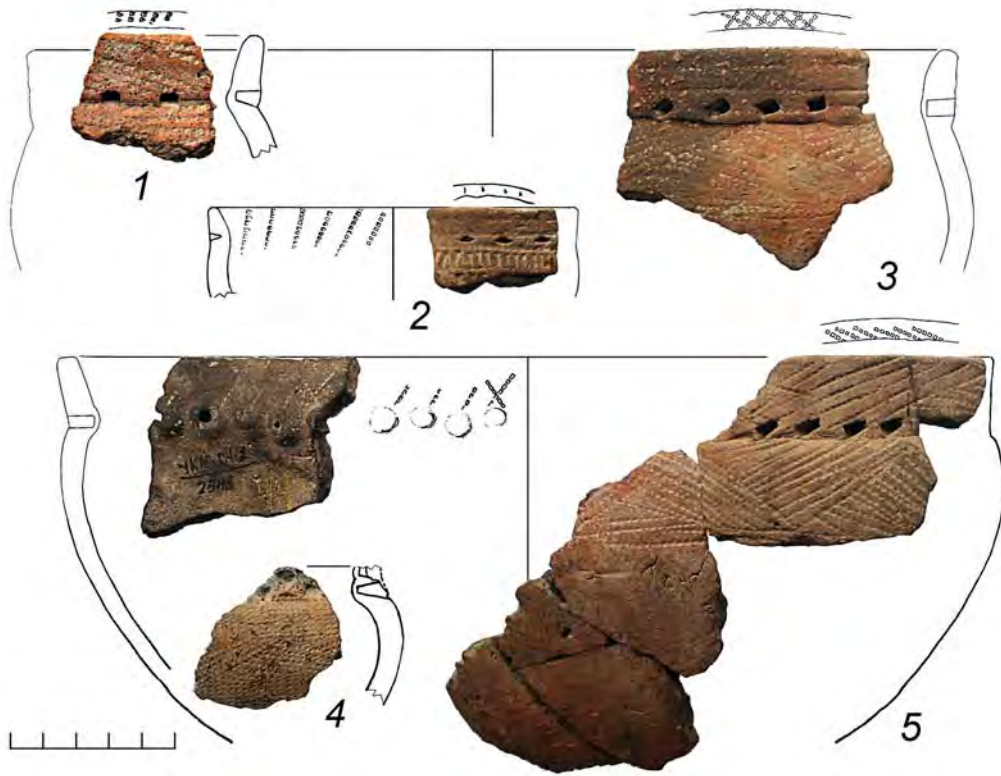

Рис. 3. Кульминская керамика поселения Ахтымья 1.

Рис. 4. Кульминская керамика поселения Большая Умыт'ья 58 (по Т.Ю. Клементьевой, А.А. Погдину).

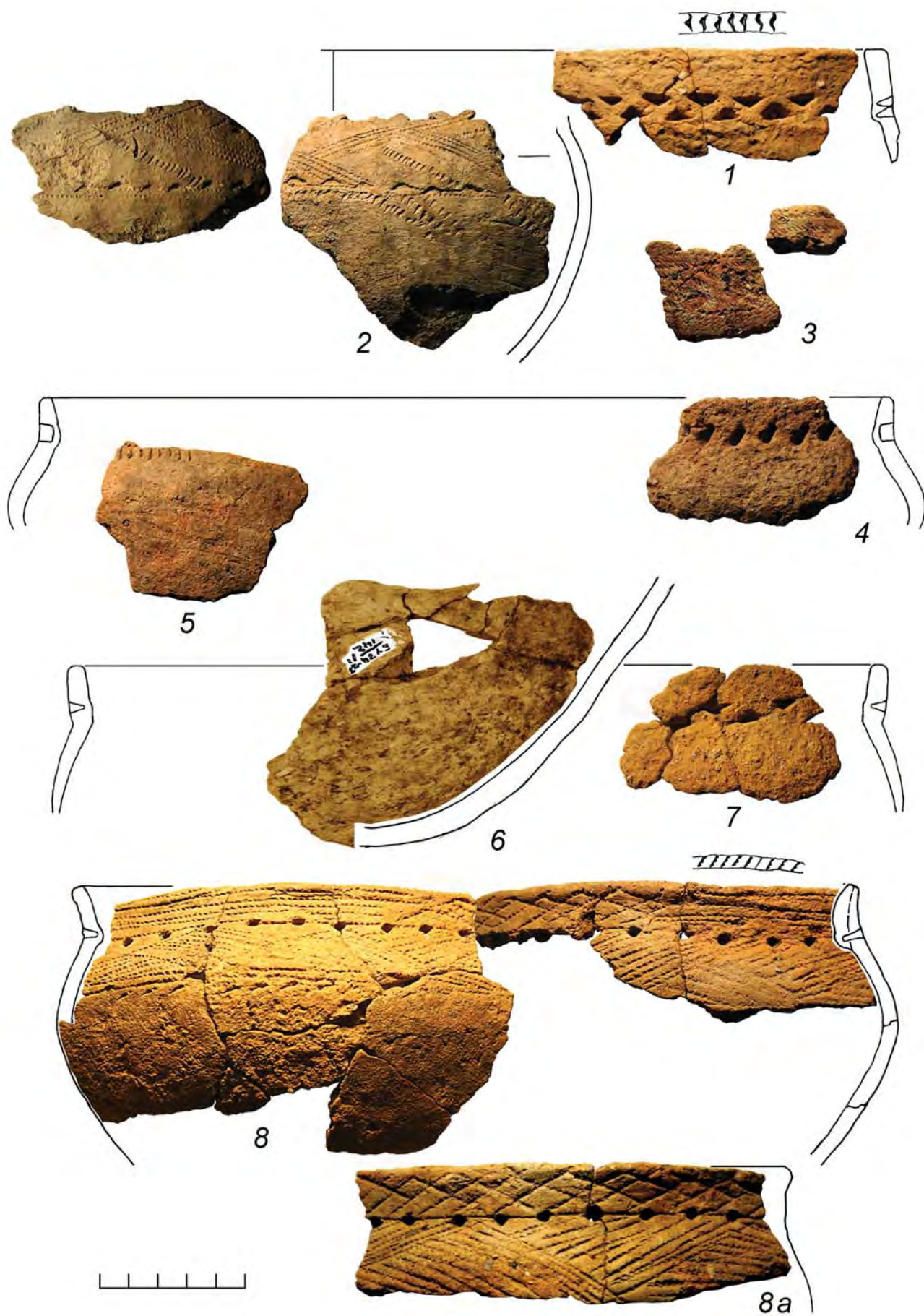

Рис. 5. Кульминская керамика поселения Большая Умыт'я 74 (раскопки А.А. Погодина).

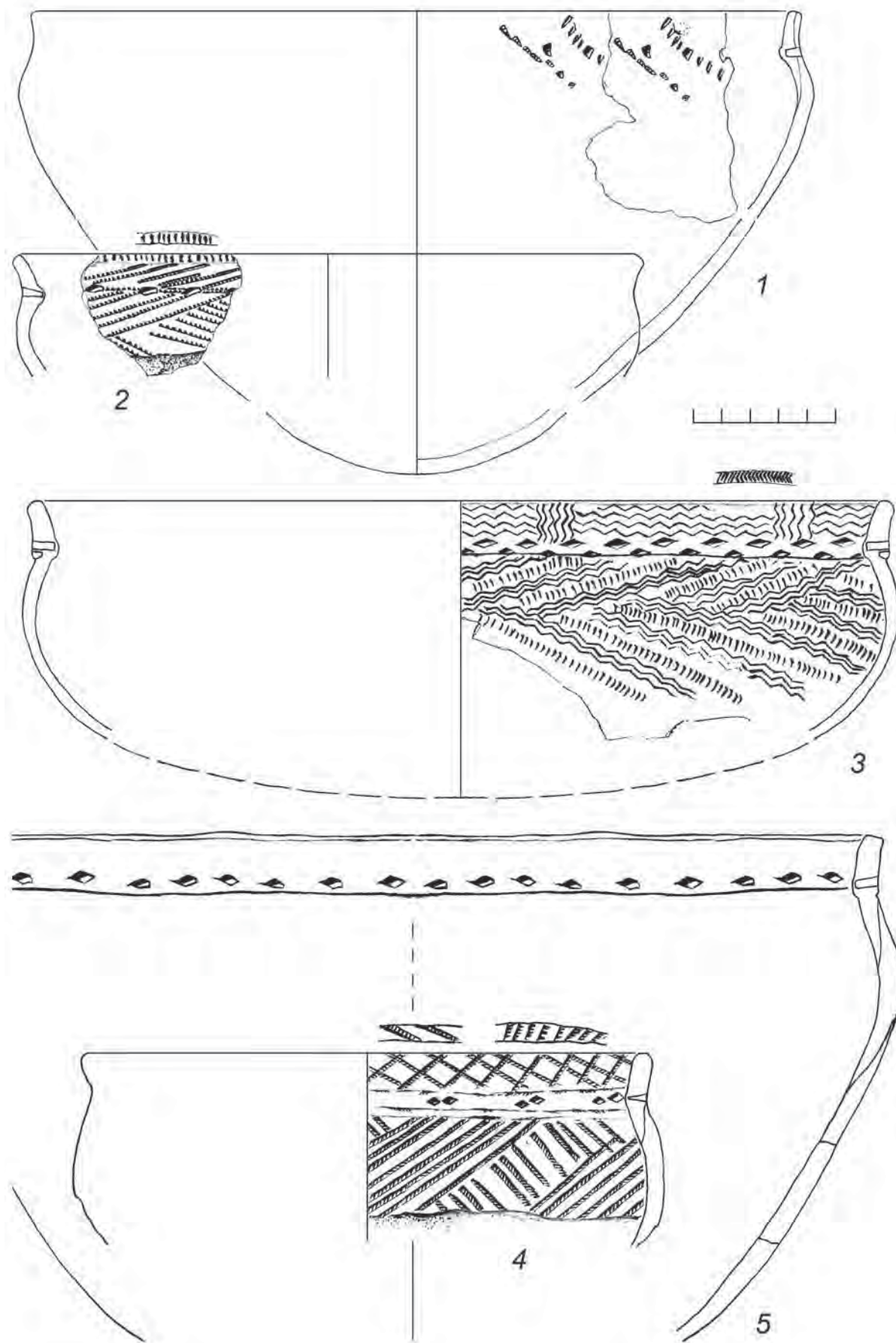

Рис. 6. Кульминская керамика поселения Большая Умыт'я 9 (раскопки А.А. Погодина).

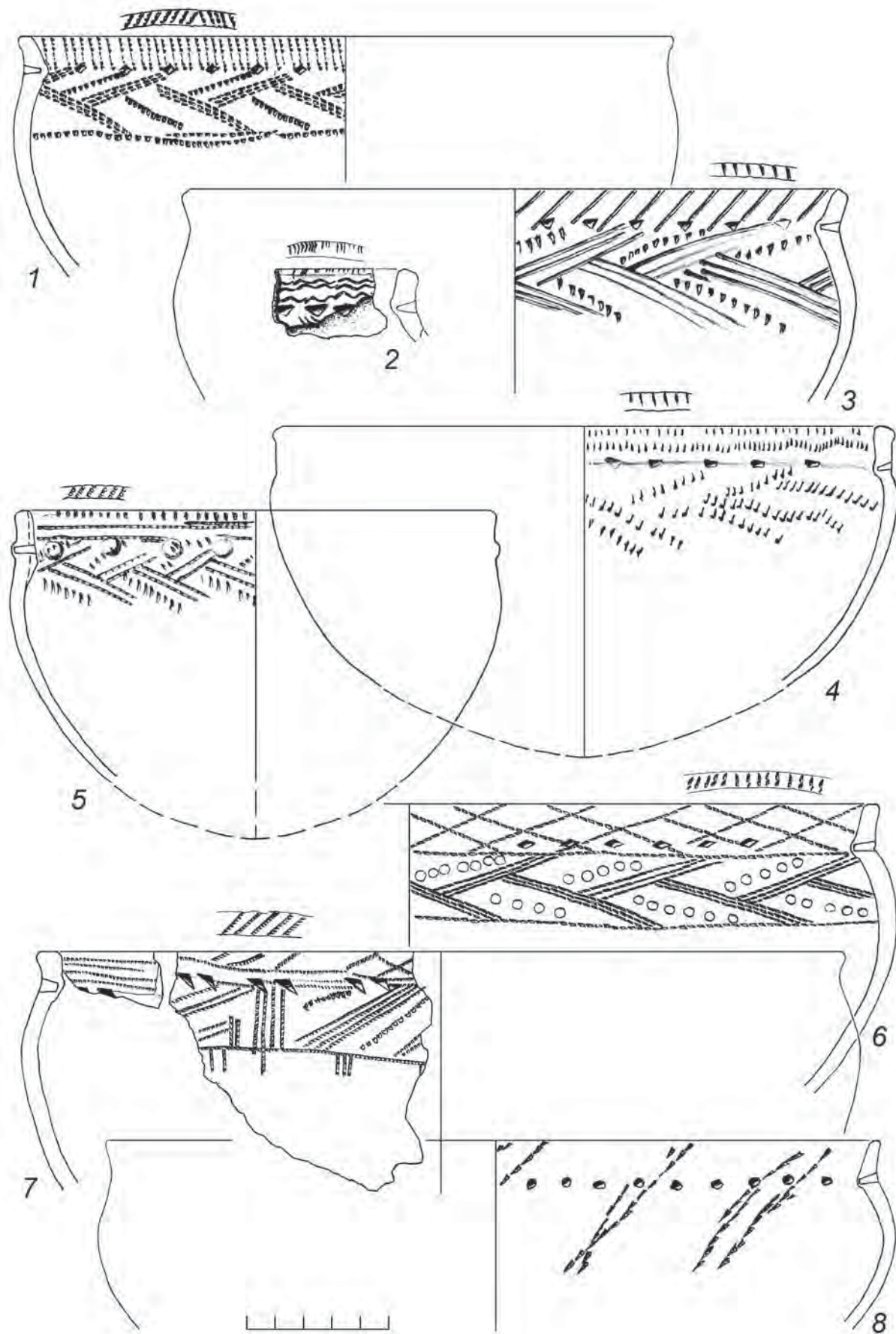

Рис. 7. Кульминская керамика поселения Большая Умытъя 9 (раскопки А.А. Погодина).

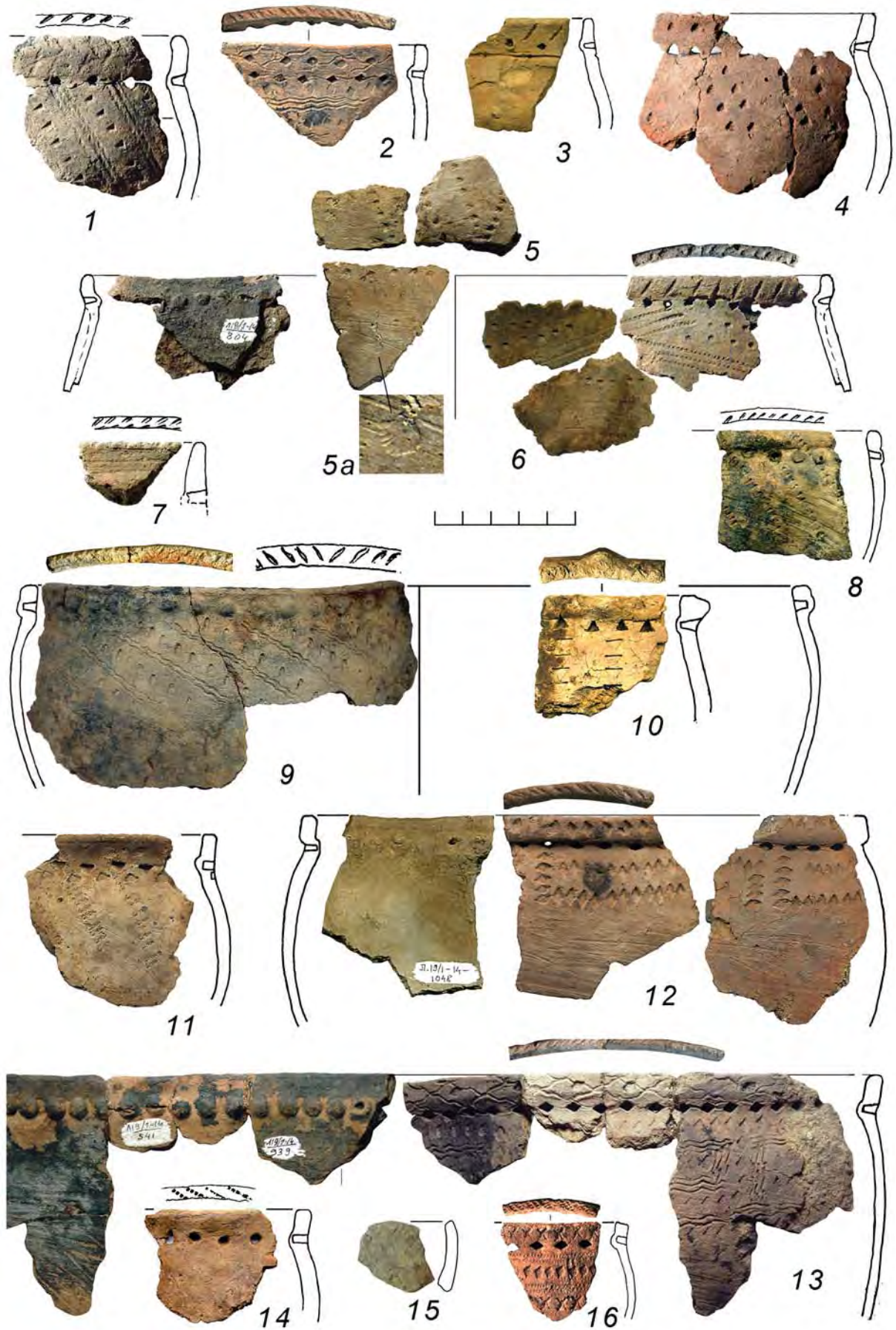

Рис. 8. Кульминская керамика поселения Лембя 19-1 (раскопки А.А. Погодина).

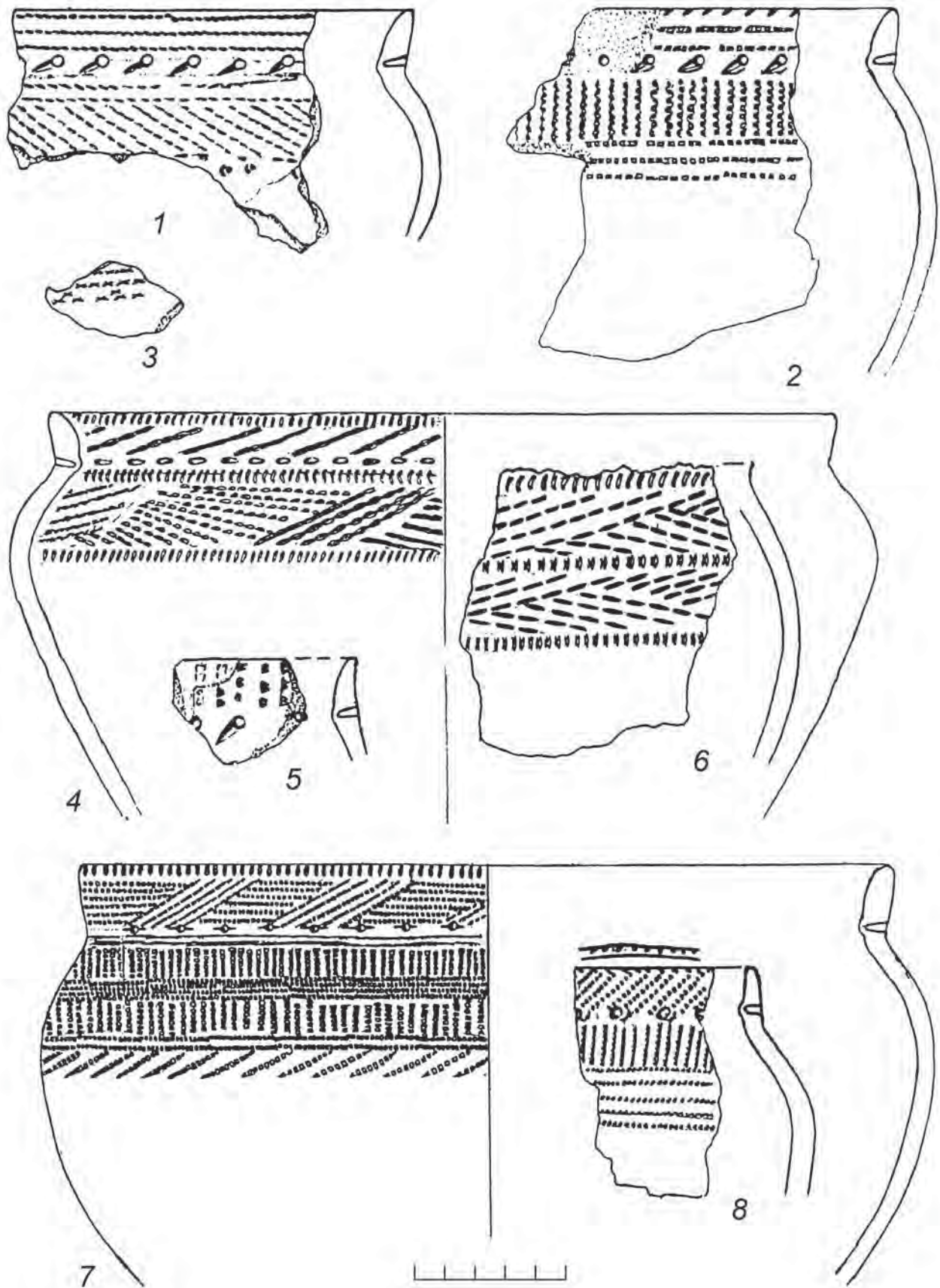

Рис. 9. Кульминская керамика стоянки Сатыга XVIIa (по А.А. Погодину).

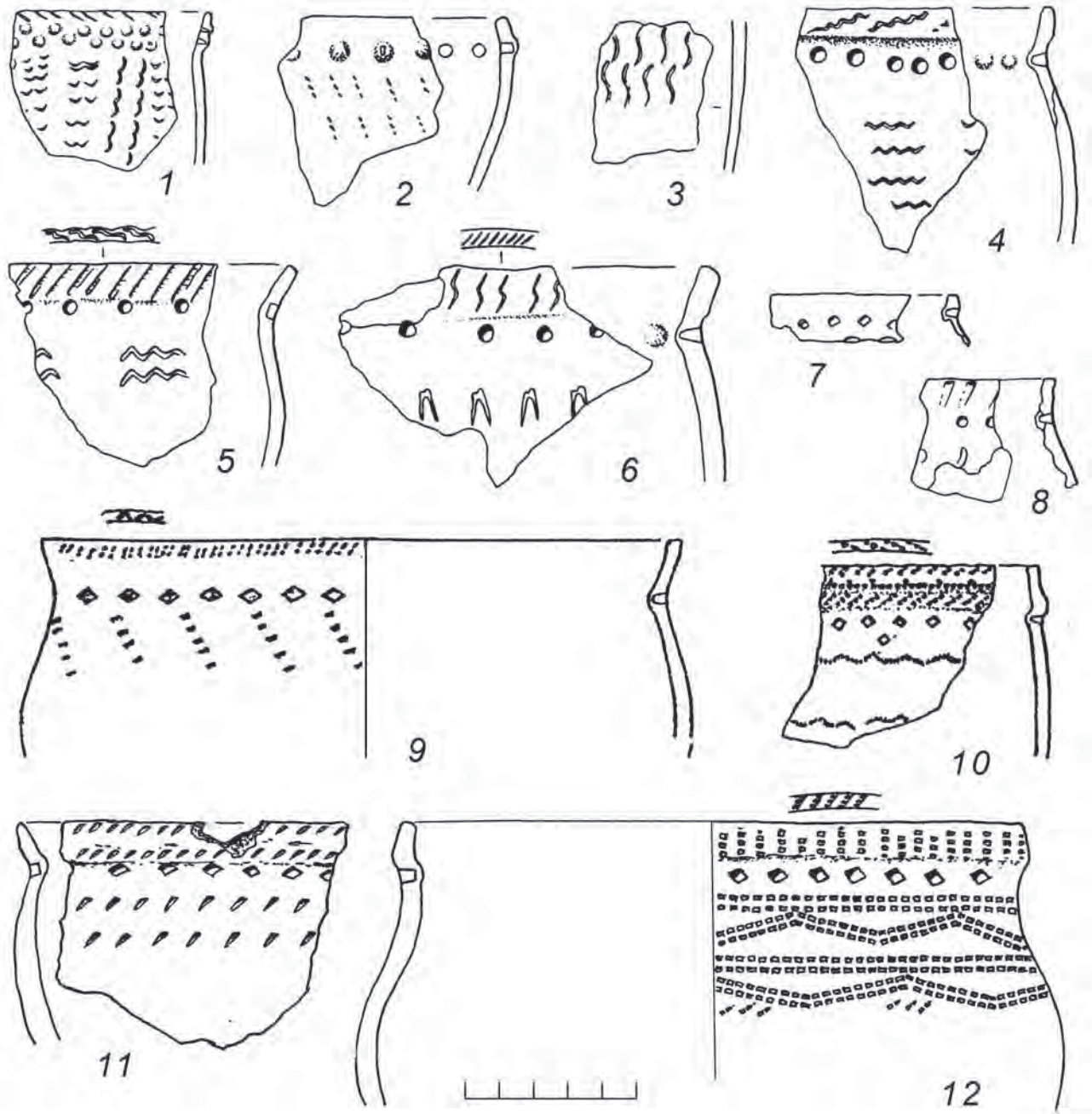

Рис. 10. Кульминская керамика: 1-8 – городище Ендырское I; 9-12 – городище Перегребное VI (1-8 – по А.П. Зыкову, С.Ф. Кокшарову; 9-12 – по В.М. Морозову).